

О "ЧИСТОЙ КНИГЕ" ФЕДОРА АБРАМОВА ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА УШЛА В ИСТОРИЮ ЛИТЕРАТУРЫ. ЧТО МЫ ПОТЕРЯЛИ ОТ ЭТОГО?

Не будем лукавить, выдавать опубликованную в журнале "Нева" (1998, № 12) "Чистую книгу" Федора Абрамова за "неоконченный роман". 18 глав белой рукописи, составляющих 28 страниц журнального текста, судя по масштабам замысла, – лишь самое его начало. Вместе с другими 12 главами, составленными публикатором всех посмертных изданий писателя, его вдовою Л.В. Крутиковой–Абрамовой, это способнее назвать *набросками к роману*. Говорю это не в упрек публикатору, столь много и на хорошем литературоведческом уровне сделавшему для сохранения и пропаганды творческого наследия Абрамова. Из огромного количества заготовок, записей, сюжетов, сценок, диалогов, размышлений Л.В. Крутикова–Абрамова выбрала то, что не только позволяет судить о замысле в целом, но и о стилистике, образной структуре, движении характеров "Чистой книги".

Абрамов готовился к ней четверть века, почти с начала своей литературной деятельности. Между первыми заметками к "Чистой книге" (1958) и написанием ее первых глав (1983) легло шеститомное собрание сочинений и много посмертных публикаций. Замысел не сразу обрел столь значительный масштаб, сначала задумывался роман о гражданской войне на Севере, но вот в дневнике 1978 года мелькнуло: "...родилась дерзкая мысль написать трилогию о России. Первая книга – Россия перед революцией, вторая книга – Россия в гражданской войне, третья – 37-й год. Резня. Контрреволюция. Самодержавие в пролетарских одеждах".

В том же году пришло и название:

"Легенда: в русском народе живет предание о чистой книге, книге, написанной самим Аввакумом незадолго до казни.

Чистая книга написана в крошечной тьме, в яме, но она вся так и светится, потому что написана святым человеком".

Про легенду об Аввакумовой книге Абрамов спрашивал и у автора этих строк, когда в 1981 году стояли мы у предполагаемого места сожжения Аввакума на Пустозерском городище. Мне нечего было ответить, хотя и родился и вырос в Пустозерье, – не слышал. Федор Александрович где-то учуял эту легенду. По замыслу писателя, один из героев книги должен был посетить место последнего прибежища опального протопопа.

В конце 70-х Абрамов гласно объявляет о своем замысле: "Россия начала XX века. Народ и интеллигенция на Севере – духовные костры. Споры о судьбе России. Настало время, когда Россия и русский человек нуждаются в осмыслении нашего исторического опыта", Запомним этот тезис.

Трудно сказать, как далеко бы вышел Абрамов в своем повествовании за пределы Поморья, как широко раздвинул бы границы действия многочисленных персонажей из всех сословий царской и советской России, но поморский Север, Пинежье были для него плацдармом, с которого писатель стартовал, и точкой отправления в судьбах героев, здесь зеркально отразились события, ураганом прокатившиеся по всей России. Аналогия – Шолоховская Донщина, географическая, историческая и стилистическая привязка великого романа.

В историческом измерении трехтомная "Чистая книга" Абрамова подводила к его тетралогии "Братья и сестры", к которой в свою очередь естественно примыкают его повести и рассказы, не уступающие по художественной целостности и характерной для деревенской прозы соционравственной содержательности, и в результате складывался не имеющий аналогов в отечественной литературе эпос, привязанный к русскому Северу, Поморью и открытый влиянию всех социальных потрясений на протяжении более полувека.

Задумав написать о "Чистой книге", с неизбежным позывом пришлось заглядывать в тетралогию "Братья и сестры", возвращаться к повестям Абрамова – ведь сколько лет прошло со времени их первого прочтения! И тут особенно волновало сегодняшнее впечатление от первого романа "Братья и сестры", давшего название всей тетралогии. Все таки вещь дебютная, была дружно расхвалена критикой – что бы это значило? Второй роман – "Две зимы и три лета" – через десять лет (1968), вызвал бурный натиск догматической критики, это я хорошо помню, так как принимал участие в его защите. А вот – первый?..

Заглядыванье в романы и повести Абрамова привело к тому, что и я перечитал их, как и многое другое, заново. Первый роман написан, казалось бы, по канонам соцреализма, с обязательной дозировкой "положительного" и "отрицательного", влияние партии и комсомола и т.д. Но это не заслонило главного. Жизнь северной деревни военным летом 1942 года (именно в это время, после тяжелого ранения на фронте Абрамов, провел в родной деревне Веркола) показана в картинах и судьбах людей с такой силой проникновения в их ду-

ши, их переживания, что многие страницы прочитываются со спазмой в горле. И мысленно отмечая атрибутивные, ритуальные социалистические отсылки, я подумал о том, что ведь в наше время, новые поколения людей не читают эти книги, не читают болью рожденную деревенскую прозу, если о минувшей войне они что-то узнают по старым фильмам, раз в год прокатываемым по телевидению к Дню Победы, то о жизни деревни, военной и послевоенной, без мужичьей, нищей и голодной, на своем горбу вынесшей нас к победе – не знают ни-че-го. А у меня и теперь, как живой, звучит в ушах аввакумовской страстью наполненный голос Федора Александровича: "Русская баба победила в этой войне, русская баба!" Ах как надо бы знать об этом нашей молодежи! И тут одна надежда – на школу, которая должна найти место литературе, возвышающей человека-труженика, истинного, как и солдат на фронте, творца победы в войне и опоры державы.

...Остальные романы тетралогии – "Две зимы и три лета", вызвавший восторженный отклик А. Твардовского, "Пути – перепутья" и "Дом", написанные с нарастающей мощью таланта, – и в печать проходили с трудом, и в критике вызвали ожесточенные споры. Не говоря уж об очерке "Вокруг да около", повлекшем за собой гнев партийной верхушки, отлучившей на некоторое время автора от печатных органов. Абрамов выступал в литературе как суровый реалист, показавший бедственное положение российской деревни, вскрывавший пороки системы, которая привела деревню к такому состоянию. И Абрамов не был одинок в своем стремлении защитить, нравственно возвысить кормильца державы, крестьянина, рядом шли Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин... Они питали корневую систему русской литературы, питали ее идеей нравственного служения народу и отечеству, питали ее незаемным русским словом.

Как человек масштабно мыслящий, Абрамов уже в ходе работы над "Братьями и сестрами" стал задумываться о том, какими путями шла Россия в XX веке. Именно тогда его привлекла тема гражданской войны а затем и жизнь деревни после революции 1905 года, расслоение крестьянства и зарождение капиталистических отношений, появление политических ссыльных, их очень разное влияние на умы сельского населения. а дальнейшая работа в архивах, размышления над документами, воспоминаниями подтолкнули его к мысли продлить принимавшее эпопейный характер повествование в 30-е годы, то есть фактически подвести его к началу войны, к "Братьям и

сестрам". Новая эпопея, по отношению к первой, приобретала как бы интродуктивный характер, оставаясь при этом вполне самостоятельной по замыслу.

Замысел раздвигал содержательные и стилистические особенности деревенской прозы, включая в себя широкое представительство разных сословий и идейных течений начала века. Палитра художника, привязанного к сельской жизни, требовала обновления. В набросках, имеющих более или менее законченный вид, особенно в спорах политических ссыльных, их разговорах с крестьянами, видны черты стилистического обновления, но мне показалось, что несколько упрощается характеристический развод персонажей, сведение их к двуцветности. Это касается политических ссыльных. Однако не будем забывать, что сделаны лишь наброски характеров, хотя и не лишённые определенности.

По мере чтения, естественно, возникают вопросы, на которые хочется поискать ответы в текстах, из них я выделил бы два: вовремя ли и ко времени ли задумал Абрамов свое эпическое размаха повествование и насколько точно избрал нравственный и духовный ориентир?...

В ЧЕМ ЖЕ ЗАКЛЮЧЕНА ИСХОДНАЯ "ЧИСТОТА"?

Начну со второго. В самом начале романа появляется "старушечка-говорюшечка" Махонька (прототипом для нее послужила известная русская сказительница и песельница М.Д. Кривополенова), которая уже в беловых главах выдвигается как некое истинно русское, первородное, патриархально подслащенное начало, нетронутое корыстью, злобой, завистью... Сделан первый набросок той исходной "чистоты", которая заложена в названии книги. Обращает на себя внимание запись: "Не красота, а чистота спасет мир. Красота бывает страшной, опасной, а чистота всегда благодетельна, всегда красива".

Спор с Достоевским беспредметен. Во-первых, потому, что Достоевский конечно же имел в виду не только внешнюю красоту, а во-вторых, и то и другое высказывания – не более, чем риторические фигуры. Вопрос-то здесь, возвращаясь к Махоньке, в том, что она ведь еще и *побирушка*. Старушка-побирушка. Да, она сказочница, песельница, слово в ее устах играет всеми красками, словом она может утешить, развеселить, приголубить, но... она ходит по дворам и *побирается*. Вот это, последнее, хоть и не осуждалось в

народе, находило понимание и сочувствие, но — может ли быть знаком богоизбранничества, идеалом нравственного, духовного бытия человека? А Абрамов настаивает. В своих заметках о "Чистой книге" он упоминает Махоньку как "меру всех людей". И Л. П. Крутикова-Абрамова подтверждает, что присутствие Махоньки в романе должно было свидетельствовать "о безграничных возможностях человека, силе духа и нравственной чистоте одаренной личности".

Еще запись — о философии "Чистой книги": "Жизнь в своих истоках всегда чистая, и нравственная высота человека определяется тем, насколько он близок к этим истокам, в какой мере он несет в себе эту чистоту, насколько он художник, творец..." И снова: "Мера отсчета — Махонька". Писатель обходит нравственную оценку попрошайничества, упрятывает ее в метафорическую оболочку: "...Махонька не кусочки собирала, радость. Чтоб потом снова ее разнести людям".

А Махонька, оказывается, смолоду не приучена к крестьянскому труду, так была воспитана дедом, бобылем и скоморохом. Муж попал — пьяница, бил ее, причем — "по заслугам". Еще бы: "Махонька все в гостях. Все на плясах. Все сказки сказывает..." Какая же это жена, хозяйка в доме в крестьянском понятии! Потому, видно, "не в ладах" и с дочерью, которая "вышла в неплохое житье и стыдится матери-попрошайки".

Божий дар чародейного слова дал Махоньке возможность ощутить власть над людьми, испытать счастье свободного человека. Свободного от чего? От семьи, от крестьянского двора, от привязанности к земле, отчему дому? В этом ли "чистая" жизнь, идеал человеческого пребывания на земле? И можно ли поэтому безоговорочно согласиться, что Махонька — "духовный судья!"?

Эти вопросы возникают на основании опубликованных набросков, и сама собою разумеется мера их условности. Мы уже не узнаем, какое законченное художественное воплощение получил бы образ деревенской песельницы и побирушки Махоньки в эпопее Абрамова, какие новые краски, какие подробности, возможно, в чем-то меняющие нынешнее представление, появились бы в нем. Поэтому и вопросы, как и все суждения о "Чистой книге", относительны, они — только о замысле, раскрываемом в опубликованных текстах, но не о самом романе.

Абрамов как бы винит себя, что в "Братьях и сестрах" нет у него "интеллигентной вышки", и собирается исправить это в "Чистой

книге", и тут же замечает, что Махонька оказалась выше "и интеллигентов, и людей из народа". Тогда какими же были бы представлены те и другие в новом произведении? Их наброски эскизны, но я не рискнул бы унижить сравнением с Махонькой – по шкале выше–ниже – Лизу Пряслину или Анфису из "Братьев и сестер". Конечно, они другие, они больше "во плоти", чем Махонька. Та все больше "летает" да словом ворожит. А насчет "интеллигентной вышки" сегодня как–то не возникает особого желания вести разговор...

Так что же, Абрамов не видел нравственного изъяна в Махоньке, который вроде должен быть виден и понятен его крестьянскому, деревенскому опыту, его генетически безупречному чутью? Отнюдь не случайно писатель мифологизировал Махоньку как "чудо в человеческом образе. Чудо, в котором теряются границы между плотью и духом. Где плоть переходит в дух. Где жизнь переливается в сказку, сказка – в жизнь". Эти пограничные моменты состояния Махоньки заметны в сюжетных заготовках и разговорах.

Не все на Пинежье, где сохранило свое влияние старообрядчество, из среды которого вышли родители Федора Абрамова, сердцем воспринимали Махоньку. Особенно набожные старухи–староверки: мол, бесу служит. А она, в убежденье, что Божье дело делает, – словом своим помогала людям: "Человек и так бьется всю жизнь, а тут я еще буду гнетить его – нет. Нет, нет, я ему батожок в руки дам, легче идти". Хотя сама набожностью не отличалась, но храмы и монастыри все обошла, и не по разу. С богом в душе жила. И на исповедь шла не к настоятелю монастыря, а за двести верст к священнику о. Аникию, которого любила и которому верила. Такая вот она, Махонька, по замыслу автора, несущая в себе философское зерно народной жизни, ее исходной чистоты.

Судя по всему, ее образ должен был занять видное место в первой книге романа. Махонька проявляет живой интерес к ссыльным, прибывшим на Пинегу после первой русской революции. Так и говорит: "Пришла узнать, что вы за народ". Пытливо присматривается к остальным и вполне трезво и по-разному оценивает их. Об одном может в глаза сказать: "Холодно с тобой. Кощеевым духом несет. Мертвым царством пахнет". К другому – душой прикипит, пожалеет по–матерински. Однако тема эта не развернута, да и ссыльные в своем отношении к Махоньке высказывают противоположно прямолинейные суждения.

Совершенно неожиданный поворот в характер и судьбу Махоньки вносит ее поведение во время гражданской войны. Судя по записи в дневнике, и самого Федора Абрамова это поразило: "Как открылось, какой небывальщиной обернулось!" Ужас братоубийственной войны опять-таки обратил ее сознание в прожитые века, в их былинно-сказочное отражение. Что же она видит там? Везде русская беспечность, пьянство, междоусобицы. И вот набросок:

"...Пир у князя Владимира, а под стольным градом татарва кроважная, и надежда и опора государства, Илья Муромец, в темнице.

Пошла к Ивану Грозному. То же пьянство, да еще казни...

Забрела к Сергию Радонежскому в келейку, а он плачет, убивается над Россией, молится... Хорошо молится и, как она же, оплакивает несогласие и распри на Руси. Хороша молитва, облегчает, радость дает душе, да только что она против оружия?"

Тут-то и обернулось все для Махоньки "небывальщиной": выходит она на поле боя, чтобы "примирить стороны воюющие", ведь по ту и другую стороны воюют те "ребята, которым сказки сказывала". Но на ее "слезный плач" никто даже головы не повернул... А потом: "Подстрелили те, кому голос ее был невнятен". Так кто же? Эта неясность так и остается неясностью, сюжет еще не прописан, хотя стрелять могли конечно и те, и другие, а по дальнейшим наброскам, которые исходят как бы от Махоньки и то ли дух ее вещает, слышна нота покорности судьбе, разочарования: "...хорошо, если ее смертью будет поправа смерть... Она нажилась, с нее хватит..." Жертву свою соотносит с жертвой Христовой и уж совсем по-русски: "а вдруг да в озверевших людях проснется человек? Вдруг да люди задумаются?.." Откуда знать этой впитавшей в себя сказочный мир доброхотной, оторванной от родимого гнездовья песельнице, что в жизни-то, не как в сказке, вдруг такое не случается.

Прекраснодушие Махоньки и заставляет задуматься о том, что роль верховного судии ей вряд ли подходит. Грезвый реалист Абрамов как бы прозрел беспочвенность, иллюзорность Махонькиной веры в силу слова.

ВО-ВРЕМЯ ЛИ И КО ВРЕМЕНИ ЛИ?

Приступая к работе над "Чистой книгой", Абрамов сказал себе: "настало время..." И за этим видится некий вызов, ибо слова о том, что "Россия и русский человек нуждаются в осмыслении нашего исторического опыта", подразумевают неблагоприятное на этом важнейшем для самосознания народа направлении общественной и духовной жизни. Советская наука искаженно представляла исторический путь России в угоду идеологическому догмату. Грешили этим и литература, театр, кинематограф. В этом смысле своевременность обращения писателя к историческому опыту России не вызывает сомнений. Как, впрочем, не вызывает сомнений своим поучительным смыслом "Красное колесо" А.И. Солженицына.

Но кто сегодня читает "Красное колесо"? Кто стал бы читать "Чистую книгу" Федора Абрамова, будь она выдающимся художественным творением? Могу добавить: кто сегодня читает талантливейший роман Владимира Личутина "Раскол", роман о драматичнейших событиях русской истории, повлиявших на ее дальнейший ход, или, наконец, великое творение Леонида Леонова – роман "Пирамида", показывающий, в какие тупики приводит человечество его пренебрежение к историческому опыту?.. И это в то время, когда беспамятство, тупая, упертая вера политической элиты в свою самодостаточность, оказала и оказывает разрушительное воздействие на ход жизни, ведет к развалу государственности и обнищанию народа, к духовной спячке!?

Ответ на вопрос, поставленный выше, может быть только один: *всегда во-время, ко времени*. Возможно, сегодня, как никогда. Так что замысел и наброски к "Чистой книге" интересны не только тем, как они вписываются в творчество Федора Абрамова, но и как опыт художественного освоения истории освобождавшимся от догматов советской историографии сознанием писателя. В подтверждение есть возможность узнать кое что и о других персонажах романа, приоткрыть схему их развития.

В центре первой книги – крестьянская семья Порохиных. Довольно подробно разработан образ Ивана Порохина, одного из братьев. Старший, Савва, тоже примечательная личность. Оба они из семьи икотников, отверженных в деревне Копани. Но Савва сумел – таки покорить сердце первой красавицы и гордячки Олены Копаневой, девушки из зажиточной семьи. Их отношения набросаны схематично: не надеясь на благословение отца и матери, Олена,

по ее желанию, зачинает ребенка, чтобы поставить родителей перед фактом выбора, но по-настоящему влюбляется в Савву, когда тот сближается со ссыльными революционерами: вон какие люди выделили Савву среди других деревенских! А Савва, увлекшись революционными идеями, охладевает к Олене. Олена во время родов умирает. Трудно сказать, насколько психологически наполненной оказалась бы эта схема. Абрамов создал несколько замечательных женских характеров, но сфера любовных взаимоотношений мужчины и женщины не была сильной стороной его таланта.

Ивану же Порохину в романе отводится совсем иная роль, это "человек из другого мира". Он – "Иванушка-дурачок из сказки, ласковый". Но – мог броситься на отца, если тот посягнет на мать. И в монастыре не ужился. Иван наделен обаянием, красотой, любознателен. Но он и скрытен. Куда пойдет, во что обратит свою незаурядность? И – неожиданный поворот в судьбе – приглашение в волость, к богатею Щепоткину.

Служба у Щепоткина что-то круто ломает в характере Ивана Порохина. Ласковый, добрый парень становится жестким, расчетливым. Приехав домой, "силой берет" свою бывшую учительницу. А потом, чтобы успокоить совесть, пускается в неистовый разгул. В нескольких небезопасных и рискованных приключениях Иван делает карьеру, заслужив уважение Щепоткина и в то же время проявив верность семье, не выдав брата Савву, совершившего вместе с одним ссыльным попытку ограбления, очевидно, в пользу революционеров. Хотя поразмыслив, посоветовавшись с Махонькой, заявил: "По братним путям-дорогам не пойду, а от брата откаться не буду". Улавливаете переключку?

И самое главное – дальше. Не авантюризм, не карьеризм (они тоже входят в состав его крови), а – философия жизни, которая складывается из противостояния ссыльным и попавшему под их влияние брату Савве. "Савва и социалисты мечтают обновить Россию... через революцию, через войну... А это значит "разрушение материальной основы жизни..." Но Иван, прислушиваясь к спорам ссыльных, не разделяет взглядов социалистов, он – "строитель жизни". И размышление Ивана Порохина на эту тему, с оглядкой на исторический путь России, на опыт революции 1905 года, отличается трезвым пониманием ситуации. Он делает ставку на прагматиков, на талантливых людей, работников, считая, что "Россия еще никогда не работала в полную силу". Догнать по уровню развития передовые промышленные страны – эта задача у него пока

сводится к тому, что "прежде надо научиться работать". Революция этому не научит.

На духовное развитие Ивана большое влияние оказывает человек из народа, по имени Необходим, прошедший большую школу жизни, в том числе и у Щепоткина. Правда, он как-то уж очень легко разбивает революционные постулаты ссыльных социалистов, переводя их на язык народных понятий. Этот человек – "воплощение здорового, практического ума". Этаким дядька при Иване, не только внушающий ему трезвые мысли, дающий дельные советы, но и предупреждающий от необдуманных действий. Чем-то напоминает горьковского Луку ("На дне"), убеждает, ссылаясь на свой опыт, но, в отличие от Луки, не утешает призрачными надеждами, а говорит о том, что люди задавлены, им надо дать возможность работать, дать дорогу талантам, твердо высказывается за земство, которого не было в Поморье, потому что земли там царские.

И Иван Порохин, побывав на собрании земцев (местной интеллигенции), становится активным сторонником этой идеи, видит в ней перспективу развития края, здесь он смыкается с братом Саввой – врагом царизма. Увлечшись идеей земства, он понял, что для практического ее осуществления нужны деньги, и Иван начинает действовать. Причем из-под тишка от Щепоткина. А тот его самым бессовестным образом обдурил, подкупив мужиков, нанятых Иваном, – отобрал сплавленный лес.

Дальнейшая судьба братьев Саввы и Ивана Порохиных намечена пунктирно, она оставляет след во второй книге, во время гражданской войны, где Савва выступает жестоким красным комиссаром, а Иван, служа в белой армии, проявляет человечность к пленным. Не поставлена точка и в сцене, когда плененного белыми Савву ведет на расстрел брат Иван, предлагает ему волю и пистолет, а тот не берет, признаваясь, что если возьмет пистолет, то убьет Ивана: "Не хочу, чтобы повторился в нашей семье библейский грех братоубийства..." За многоточием угадывается победа недобрых сил, так как Савва объявляет брата Ивана "злейшим врагом", а Иван обреченно говорит: "Мне больше незачем жить на этом свете".

Не менее круто ломает судьба и младшего брата Порохиных – Гунечку. И физически, и душевно он отличается от старших. Его тянула к себе церковь, постоянно общался с о.Аникием, проводил время в молитвах, готовил себя в монахи. Гунечка вносит в жизнь мир и лад, от него исходит такая внутренняя сила, что ему удастся

остановить драку разъяренных деревенских мужиков, став между ними посреди дороги. Никто не посмел его тронуть. Вот этот маленький, худенький, привязанный к церкви и Богу человек "всем сердцем прилепился к революции," искренне поверив, что она-то и поможет установить на земле царство Божие. "Не было человека, которому бы так близки были идеалы революции: свобода равенство, братство".

Чем это кончилось для Гунечки – догадаться нетрудно. Он записался добровольцем в Красную армию и погиб в первом же бою. И среди всех ужасов междоусобицы, смертей, крови именно гибель Гунечки потрясла деревню Копани: за что его-то? почему? Ужас и бессмыслица междоусобной бойни виднее всего обнажилась гибелью этого Божьего человека.

У братьев Порохиных была и сестра, Огнейка (Агния), которую писатель предполагал провести через всю трилогию, придумав ей невероятно запутанную биографию. Замыслил-то ее в житейском, бытовом содержании (в отличие от Махоньки, от Гунечки), как фигуру цельную, "живую, бесхитростную", открытую, но в этой своей открытости очень уязвимую. Кроме повышенной возбудимости, легкого и естественного усвоения с малых лет нужных и важных навыков крестьянского обихода, писатель обращает внимание на его эстетику. Довольно подробно, хотя и не закончено, набросана картина сборов Огнейки на игрище, ее первый выход на этот деревенский бал. В подготовке принимают участие все близкие и даже просто знакомые, подают советы: чем украсить девушку, как косу заплести, как одеть, да надо и "выходку показать".

А приключенье случилось, когда на игрище явились ссыльные молодые люди, которых поддержали свои деревенские парни. По установившемуся обычаю, в хороводе девушек первой выставляли дочь богача, а бедноту "задвигали взад", а они потребовали вести хоровод самой красивой девушке – Огнейке. И на чью-то реплику из толпы, что, мол, первым "должно быть богатство", уже почувствовавшая свою силу Огнейка гордо заявляет; "а я сама богатство..." – "да как подняла голову, да как ступила – замолчали люди". Эта "озорная девчонка" показала в своей выходке такие величавые, королевские движения и позы, которые удивили копаневских баб – откуда все это взялось?

Как-то само собой припоминается сцена из "Войны и мира", когда Наташа Ростова, эта юная графинюшка, оказавшись перед

дворовыми людьми, включившись в то "степенное веселье", которое продемонстрировала экономка Анисья Федоровна, тоже пустилась в пляс, и было чему дивиться, "глядя на эту тоненькую, грациозную... в шелку и бархате воспитанную графиню, которая умела понять все то, что было в Анисье, и в отце Анисьи, и в тетке, и в матери, и во всяком русском человеке". Вот – откуда.

Не диво, что, натура страстная, Огнейка, увлеклась молодым ссыльным Юрой. Но... ее выдают замуж за нелюбого, за презренного, и Огнейка соглашается на этот брак, ибо он стал условием спасения брата Ивана от тюрьмы. И видимо, Абрамов задумывал показать униженную и оскорбленную Огнейку в мстительном русском завихрении: "Проводы мужа в солдаты. И тогда – разгул: вот вам за все..." Подтверждение этому (пьянство, разврат) находим в другом наброске – в репликах других персонажей да и в признаниях самой Огнейки, когда она – уже после революции – встретила с Юрой. В своем несчастье, в своем падении она гневно, на грани истерики, обвиняет всех, и его, на которого "молилась", – тоже, выплескивает на него свое мстительное чувство и указывает на дверь, не принимая сочувствия:

"– А теперь иди и больше не показывайся мне на глаза, Нету прежней Огнейки. Я сука, блядь. Я себе противна. Меня на под одним щелоком не отмыть, а не то что этим мыльцем алым, которое ты принес..."

...Еще одна встреча Огнейки с Юрой – во время гражданской войны. Она выхаживает его, заболевшего тифом. Потом встреча на фронте. Начался бой. Огнейка обращается к Богу, молит его сохранить Юру ("Я люблю его..., больше жизни люблю...") И какое-то неясное спасение Огнейки Юрой из "стана мятежников", объяснение в любви, он – ей: "Ты чище всех" и "Я тебя всю жизнь любил".

В опубликованных набросках Юра и Агния, Огнейка единственные персонажи, с которыми Абрамов продвинулся в 30-е годы, обозначив их как мужа и жену, отца и мать двух детей – "преданных комсомольцев". Отец – "живой дух революции", оказывается "врагом" революции, дочь отказывается от отца, сын порывает из-за этого с сестрой. Рушится семья.

Это всего лишь схема, которая должна была наполниться живыми человеческими голосами, жестами, картинками – жизнью. Как схема, она вроде бы не открывает нам ничего нового, но ведь жизнь деревни во время и после войны мы также в общем пред-

ставляли по разным источникам, однако явленная в романах и повестях Абрамова, она оказалась наполненной духом и плотью для эмоционального восприятия, для сопереживания. Абрамов—художник, владевший искусством построения драматического, конфликтного сюжета и характеров, несущих в самих себе конфликтность, мастер острого диалога, во всеоружии шел к осуществлению столь масштабного замысла. И дело не в том, чтобы гадать — как это у писателя могло получиться, а в том — какое направление развития событий он избрал для своей эпопеи, какую историческую оценку собирался им дать.

КТО БЫ СТАЛ ЧИТАТЬ "ЧИСТУЮ КНИГУ"?

По факту так оно и есть, Абрамов не открывает чего-то нового в круговороте жизни России XX века, чего еще не было в нашей литературе. Но ведь это пока — схема, наброски, даже не конспект. Мало ли в русской и мировой литературе совпадающих и даже точно воспроизводимых сюжетов! Так что новизна и неповторимость характеров, столкновение страстей, разрешение противоречий здесь только предположительны, они угадываются пока лишь в деталях и в генетической характерности северян—поморов, той ветви от корневой системы русского народа, которая селилась и развивалась в жестоком противостоянии стихийных сил природы, которая не испытала ни монголо—татарского нашествия, ни крепостного права.

Это обстоятельство приходит на ум, когда думаешь, во что же мог реализоваться абрамовский проект. И все же не оставляет мысль о том, насколько ко времени пришлось бы "Чистая книга", насколько органично вошла бы она — не в литературный процесс, этот фантом неуловим, он безличен и существует лишь в умах критиков, а — в сознание читателя. Федор Абрамов, накопивший к тому времени огромный опыт, проделавший, титаническую подготовительную работу, начал свой роман на подъеме духа. Эта запись была сделана 31 декабря 1982 года: "Господи, задыхаюсь от счастья: завтра окунусь в бумаги "Чистой книги". Только бы не утонуть. 83—й год может стать годом великой радости. если, конечно, пойдет "Чистая книга". Абрамов верил в успех, Но...1983—й год отвел ему несколько месяцев для работы и болезни, он стал годом земного предела жизни писателя.

Суть же сомнений состоит в том, что к середине 80-х уже миновал пик деревенской прозы, ее огромного влияния на умы и сердца читателя. В стране, в умонастроениях народа назревали а затем и произошли перемены. Переменилось отношение к литературе, образовался новый, еще не вполне осмысленный книжный рынок. Деревенская проза стала историей литературы. А "Чистая книга" основным развитием сюжета связана с деревней, историей крестьянских семей, в ней преобладают деревенские типы. И есть основание предположить, что новое сочинение Абрамова вряд ли могло иметь такой же читательский отклик, как его тетралогия "Братья и сестры".

Другие времена, другие нравы. И – другие читательские интересы, иногда искаженные, находящиеся за пределами культурного ряда. Но – какие есть. Могло ли все это повлиять на замысел и характер повествования Федора Абрамова? Зная писателя и общаясь с ним многие годы, уверен, что – нет. Конъюнктура не могла поколебать десятилетиями выношенный замысел художника. Делом чести, писательского достоинства он считал сказать в литературе правду о жизни, как ее увидел, понял, пережил в себе. И его не могла отвлечь возможная глухота читательского отношения к "Чистой книге".

Не исключено, что время и перемены в жизни корректировали бы замысел, но – такие книги пишутся, говоря высоким штилем, на века (и не на массового читателя) или не пишутся совсем. Другое дело – удаются они или не удаются, выдерживают проверку временем или не выдерживают. Возьмем в рассуждение неоспоримый ряд, классику, и признаемся себе в том, что из ста человек, хранящих на книжных полках "Войну и мир" и "Братьев Карамазовых", прочитал их, в лучшем – случае, один, – и все станет на свои места.